

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА АВВАКУМА

Н. В. ПОНЫРКО

Житие протопопа Аввакума как духовное завещание

Киновиарх Выговского общежития Семен Денисов в своем знаменитом «Винограде российском» оставил загадочную фразу о том, что протопоп Аввакум написал свое Житие перед смертью. В конце 4-й, посвященной Аввакуму, главы «Винограда» Семен, защищая память протопопа от обвинений в неправом догматическом умствовании, написал, что свою правоту «свидетельствует и сам предоблий — своеручным писанием, еже о своей жизни при скончании своем, свое православие изъявив, написа...».¹ Между тем нам известно (это точно установлено Н. С. Демковой), что Аввакум создавал свое Житие в промежутке между 1672 и 1675 гг.,² т. е. за 7—10 лет до смерти.

Может показаться, что Семен Денисов допустил обыкновенную ошибку, проистекавшую от того, что в его задачу не входило изучать с точки зрения датировки сочинения протопопа Аввакума. Может показаться, что это — естественное заблуждение автора, писавшего свое сочинение через пятьдесят лет после смерти Аввакума («Виноград российский» создавался в 30-е годы XVIII в.³). Но, как мы хорошо знаем, очень часто за так называемыми ошибками произведений древнерусской литературы стоят загадки. Ошибка является маркирующим признаком загадки, отгадав которую, мы устанавливаем логику появления ошибки, после чего, очень часто, ошибка перестает быть ошибкой, а находит себе или конкретное историческое, или филологическое объяснение.

Утверждение Семена Денисова о времени написания Жития протопопа Аввакума как раз и является такой загадкой. В нашу задачу входит ее разгадать.

Мы никогда не обращали внимания на то, что та вступительная часть Аввакумова Жития (всех редакций), которая начинается толкованием божественных имен по Дионисию Ареопагиту и кончается исповеданием веры в св. троицу по Афанасию Александрийскому и которая предшествует собственно Житию, суть традиционный раздел, свойственный одному определенному жанру древнерусской литературы, а именно духовным завещаниям. Не понимая этого, мы чувствовали здесь некоторую несвязность текста, почему-то предварявшего связанное автобиографическое повествование. Н. С. Демкова, правда, объяснила смысловую оправданность этого фрагмента в составе сочинения Аввакума (подчеркнув, что «вступление к Житию является не просто сводом выписок по основным вероисповедным вопросам, объем которых мог быть больше или меньше», а своеобразным «полемическим сгедо Аввакума, сразу же обращающим читателя к основным проблемам религиозной борьбы

¹ Виноград российский. М., 1906, л. 21 об.

² 1672—1673 гг. — время создания редакций А и Б; 1673—1675 гг. — редакции В; см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974, с. 83—86.

³ Ю х и м е н к о Е. М. «Виноград российский» Семена Денисова. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 249—266.

эпохи»⁴). Но сам факт объяснения был результатом осознания необходимости толкования темного места, производившего впечатление простого «свода выписок».

Все станет еще более ясным, если в названной вступительной части к Житию увидеть не произвольный текст, а традиционную композиционную единицу — исповедание веры, свойственную такому виду литературы, как духовные завещания.

Сразу следует оговориться. Духовные завещания как жанр совсем не изучены. Кроме статьи Ф. фон Лилиенфельд, посвященной уставу Нила Сорского,⁵ где сделана по ходу дела попытка классификации духовных завещаний и дана их общая характеристика (в связи с темой игуменского завещания как монастырского устава), нет никакой литературы по этому вопросу. Ф. фон Лилиенфельд выделила среди духовных грамот четыре группы: I — духовные грамоты частных лиц, II — духовные грамоты царей, III — духовные грамоты митрополитов, IV — духовные грамоты игуменов и основателей монастырей.⁶ Эта классификация вполне отражает суть вещей, с той только небольшой поправкой, что третью группу следует назвать не «духовные грамоты митрополитов», а «духовные грамоты церковных иерархов», так как к этому же типу принадлежат и известные духовные завещания русских патриархов, и завещания церковных наставников старообрядчества.

Духовные грамоты светских частных лиц и духовные грамоты церковных иерархов составляют как бы противоположные полюсы классификации, между которыми располагаются две другие группы, имеющие черты сходства как с завещаниями частных лиц, так и с духовными грамотами церковных иерархов. Духовные грамоты светских частных лиц⁷ — это завещания в собственном, так сказать «гражданском», смысле слова. Их содержание исчерпывается традиционной формулой «кому мне что дати и на ком что взяти», за которой следуют указания к распределению наследства. Эти грамоты в подавляющем большинстве не включают в свое самоназвание слово «завещание», только «духовная», «духовная грамота».

Духовные завещания церковных иерархов — гораздо более сложный жанр (говоря «духовное завещание», мы употребляем здесь описательное, контаминированное определение этого типа грамот, в самоназвании их — либо «завещание» и «заветное писание», либо «духовная грамота прощальная и разрешальная»). Известны следующие духовные завещания русских духовных иерархов: митрополита Киприана⁸ (под влиянием этого завещания развивалась вся дальнейшая традиция этого жанра; именно Киприаном, который за четыре дня до своей кончины «написа грамоту незнаему и странноплепну, яко прощальную» и заповедал прочесть ее «велегласно» при своем погребении, был введен обычай читать завещания при погребении; как говорит летописец, «по отше-

⁴ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума... с. 127—128, 142—143.

⁵ Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 80—98.

⁶ Там же, с. 95.

⁷ См.: Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, № 35, с. 38—42 (духовная грамота новгородца Климента, XIII в.); Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, т. 1, стб. 547—552, 555—568 (духовные грамоты разных лиц, XV—XVII вв.); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1894, кн. 2, стб. 190—195, 197—201, 230—233, 248—250 (РИБ, т. 14) (духовные грамоты разных лиц, первой четверти XVII в.); Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, с. 3—103 (духовные грамоты разных лиц, XVI—XVIII вв.).

⁸ Опубликовано: Акты, относящиеся до юридического быта древней России! Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, т. 1, стб. 544—547; ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 254—256 (Софийская I летопись); СПб., 1859, т. 8, с. 78—80 (Воскресенская летопись); СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 441—444 (Степенная книга).

ствии же сего митрополита и прочие митрополиты русии и до ныне преписывающе сию грамоту, повелевают в преставление свое, в гроб въскладающеся, тако же прочитати в услышание всем»⁹⁾, митрополита Фотия,¹⁰ митрополита Макария,¹¹ патриарха Иова,¹² патриарха Иоасафа II,¹³ митрополита новгородского, будущего патриарха Питирима,¹⁴ митрополита рязанского и муромского Илариона,¹⁵ патриарха Иоакима,¹⁶ патриарха Адриана.¹⁷

При наличии индивидуальных черт в каждом отдельном духовном завещании в нем обязательно присутствуют традиционные элементы: 1) исповедание веры — в начале и 2) просьба о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы (от царя и царской семьи до духовенства и всех прочих людей) — в конце.¹⁸

Что представляет собой интересующее нас исповедание веры? Оно составляет неизменную преамбулу к духовному завещанию. Это элемент как бы чина духовного завещания. Известно, что в чин поставления на степени духовной иерархии как обязательный компонент входит исповедание веры, основанное на полном тексте символа веры;¹⁹ «чин» духовного завещания также включил в себя такое исповедание, только в особом, сокращенном, свойственном именно этому жанру варианте. Архидьякон перед смертью, в конце своего поприща, так же как и при его начале, приносил заверения в своей православности. Без этого по «чину» духовного завещания нельзя было переходить к основной части духовной; нас убеждает в том неизменность текстов. «Первое убо, исповедаю святую богопреданую апостольскую веру и православия истинное благочестие в святую троицу и прочая священная апостольская повеления святые божиа церкве предания цела и неподвижима того благодатию соблюдать», — написал митрополит Киприан, прежде чем перейти к основной части своей духовной.²⁰ Митрополит Фотий повторил эту формулу так: «Первие убо сам исповедаю, и вас молю содержати, богом преданную апостольскую и отъческую веру, православие истиннаго благочестия во святую троицу; и елико святая церкви и священная Писания прият от бога и от святых апостол, и от святых божественных отец и святых соборов вселенских, и поместных, и особь сущих святых любезно из глубины сердца и многию верою приемлю и почитаю».²¹ Близки

⁹ ПСРЛ, т. 8, с. 80 (ср.: т. 21, ч. 2, с. 443—444).

¹⁰ Опубликовано: СГГД, М., 1819, т. 2, № 17, с. 18—22; ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 144—148 (Софийская II летопись); СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 483—488 (Степенная книга).

¹¹ Опубликовано, см.: АИ, СПб., 1841, т. 1, № 172, с. 328—331.

¹² Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 2-е изд. М., 1788, ч. 6, с. 107—125; СГГД, М., 1819, т. 2, № 82, с. 179—186.

¹³ Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика, ч. 6, с. 337—352.

¹⁴ Опубликовано, см.: ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 193—197 (Роспись, или Краткий летописец новгородских владык).

¹⁵ Опубликовано, см.: Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. с. 135—140.

¹⁶ Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика, 1-е изд. СПб., 1774. ч. 4, с. 111—139; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 2, с. 467—477; Житие и завещание святейшего Патриарха московского Иоакима. СПб., 1879, с. 102—139. (Изд. ОЛДЦ, № 47).

¹⁷ Не опубликовано, см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, конец XVII—начало XVIII в., л. 490—498 об.

¹⁸ Вводная часть начинается с обязательной формулы «Во имя отца, и сына, и святого духа...»; традиционно также упоминание о том, что автор пишет свое завещание «целым умом»; к этому часто прибавляется описание страданий вследствие старости.

¹⁹ См.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880, ч. 1, с. 101—110. (РИБ, т. 6).

²⁰ ПСРЛ, т. 5, с. 255 (ср.: т. 8, с. 79; т. 21, ч. 2, с. 441).

²¹ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 484.

к тексту Киприана и Фотия исповедания в завещаниях митрополита всея Руси Макария, патриархов Иова, Иоасафа II, Иоакима.

Прочитую из них только Иоакима, как наиболее удаленного от Киприана и Фотия. Духовное завещание патриарха Иоакима было прочитано при его гробе его преемником, митрополитом казанским Адрианом.²² Вступительная часть этого завещания гласила: «В-первых, убо известую сим писанием веру мою, яко верую в бога в троице святей единого, по научению самаго спасителя нашего бога, по проповеданию святых апостол и богоносных отец святыя восточныя церкви. И еже святыи отцы на седми вселенских соборех, духом святым собрании, предаша и научиша, в том до последняго моего издыхания пребываю, яко истинный сын святыя восточныя соборныя апостольския церкви».²³

Питирим, до восшествия на патриарший стол, будучи новгородским митрополитом и чувствуя приближение смерти (он скончался спустя десять месяцев после этого, уже патриархом), написал в своем завещании несколько отличный вариант исповедания: «Аз бо о вере, еже есть дар божий, надежно похвалитися дерзаю: ибо ту, божиею благодатию... неизменно, непреложно и неотъятно до кончины живота моего соблюдаю. Не тоию тыя 12 составы веры святыя кафолические, иже святым символом содержими суть, но и вся узаконения, от святых апостол и святых отец нам поданная, седмию святыми соборы вселенскими и поместными ухваленная. К тому и вся предания от церкви, матере нашея, верно хранящая, лобзаю, держу и до последняго моего издыхания соблюдаю».²⁴

В завещании Илариона, митрополита рязанского и муромского (знакомца Аввакума по Макарьевскому монастырю, ставшего впоследствии объектом его страстных обличений), исповедание звучит так: «...веру православную кафолическую божиею благодатию соблюдох донныне неврежденну и яко же в рождении моем духовном, имже отцу небесному усыновихся, чрез восприемника моего исповедах у, потом же яко во время поставления моего во архиерейство предах, писанием моим изъявленну, тако и до кончины жития моего желаю соблюсти целу».²⁵ Патриарх Адриан начинал свое духовное завещание следующим исповеданием: «Тем же аз, недостойный раб всетворца господа бога, смиренный Адриан, архиепископ московский и всеа России и всех северных стран патриарх, верую в бога, вся видимая и невидимая сотворившаго, и присно творящаго недомысленно дела и чюдеса преславная. И в сего божественней благодати спасения надежду мою полагаю по благоверию православныя соборныя церкви».²⁶

Таким образом, мы убеждаемся в том, что исповедание веры составляет неотъемлемую часть духовного завещания и служит своего рода его приметой. В литературе византийской традиции это была примета не только духовного завещания церковного иерарха, но еще и духовных завещаний «великих» игуменов.²⁷ Из русских игуменских завещаний²⁸ эта черта отразилась только в Предании Нила Сорского. Одно то, что это Предание начинается с исповедания веры его автора, заставило

²² Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. XVIII.

²³ Там же, с. 103—104.

²⁴ ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 194.

²⁵ Историческое обозрение Рязанской епархии..., с. 136.

²⁶ ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 490.

²⁷ См.: Л и л и е н ф е л ь д Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского..., с. 86, 88, 94.

²⁸ См. завещания Антония Римлянина (А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1811, т. 3, с. 123—126; К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 2, примеч. 210), Кирилла Белозерского (АИ, СПб., 1841, т. 1, № 32, с. 61—62), Ефросина Псковского (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук, СПб., 1836, т. 1, № 108, с. 83), Иосифа Волоцкого (АИ, СПб., 1841, т. 1, № 288, с. 524), Нила Сорского (Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, с. 1—10. (ПДП, т. 179)).

Ф. фон Лилиенфельд смотреть на него как на сочинение «завещательного» характера (Ф. фон Лилиенфельд в противовес А. С. Архангельскому считает, что Предание Нил написал незадолго до своей кончины).²⁹

Выговские писатели были продолжателями древнерусских литературных традиций. Они их не просто знали, но были живыми носителями этих традиций в XVIII в. Чтобы почувствовать «завещательный» характер Жития протопopa Аввакума, выговцам не обязательно было знать содержание духовных завещаний митрополитов Киприана и Фотия (хотя, принимая во внимание их начитанность, можно не сомневаться в том, что они их знали), им достаточно было знать свои собственные духовные завещания.

В 1740 г. умер Семен Денисов. Он оставил духовное завещание, которое в рукописной традиции получило название «Надписания извеща- тельного, вкупе и прощательного». В нем мы читаем: «В-первых, испове- даю себе православна христианина, сына древлеправославныя святыя церкви, яже во всеславней России до Никоновых новшеств светозарно и пресвято сияше. Исповедую веру мою в пресвятую единосущную троицу, единого триипостаснаго, несозданного, всетворительнаго бога... Исповедую того всенепостижимаго безсмертнаго бога в наше спасение откровенная нам таинства два — едино превечное и другое подлетное, едино общее и всесвятей троице посполитое, другое собственное единому от святыя троицы слову божию едиnorodному: си есть таинство святыя троицы и смотрения. В таинстве святыя троицы исповедую с богонос- ными отцы и святыми богословцы три ипостаси, свойства и начертания: отца, и сына, и святаго духа. Но едино существо божества, едино есте- ство, едино царство и господство, едину волю и хотение всех триех богоносных собств. Исповедую отца безначальна и безлетна, ни от кого же бывша или прившедша, но превечно и присно сущна суща. Исповедую сына божия от отца превечно возсиавша, яко бога от бога и свет от света, собезначальна и сопревечна, и сприсносущна, и соцарь- ственна своему родителю. Исповедую всепресвятаго утешителя, духа истиннаго и господа животворящаго, от самого безначальнаго отца исхо- дящаго превечно и сприсносущно, единаго от единаго... и в сей святей троической тайне говейно с церковию и верую, и исповедаю, и надежду мою полагаю. Исповедую в таинстве смотрения моего Христа и господа за мене и о мне тайну воплощения в мое спасение содеяти усмотрив- шаго. В ней же два естества и существы исповедаю, едино — божества и едино — человечества. Едино несозданное и другое созданное, едипо превечно и всетворительное и другое подлеты и сотворенное. И яко два естества, тако два хотения, действия и две воли коимждо естеством Христос богоподобно и самовластно деяше: и божественная и человече- ская... Сия оба таинства, святыя троицы и воплощения божия слова. в крестных знаменовании сложением перст исповедателно изъясляю...».³⁰

²⁹ Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сор- ского... с. 94.

³⁰ БАН, собр. Дружинина, № 455 (старый — 483), л. 39 об.—41 об. Духовное завещание Семена Денисова имеет два варианта. Мы цитировали первый, начинаю- щийся словами: «Во имя единого в трех ипостасех и во едином существе все- поклонно славимаго бога ... последний аз и непотребный, бога моего раб грешный Семен, последнее сие письмо начертаваю...» Второй вариант имеет начало: «Пре- милостиваго премилостивыми щедротами всемогущаго в троице славимаго бога ... им же вси человецы создашася, раждаются, живут и умирают. От оных человеков последний аз и грешный Симеон ... письмо сие известительное, вкупе же и мо- лительное, всем отцем и братии предлагаю...». В рукописной традиции оба ва- рианта существуют как раздельно, так и вместе (см.: БАН, собр. Дружинина, № 25 (старый — 43), вторая половина XIX в., л. 201 об.—209 об. — оба варианта вместе; ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Успенского, № 6, л. 7—14 — оба варианта вместе; БАН, собр. Дружинина, № 455 (старый — 483), конец XVIII в., л. 38 об.—41 об. — первый вариант; БАН, собр. Дружинина, № 8 (старый — 20), последняя четверть XVIII в., л. 215 об.—218 об. — второй вариант). Покамест трудно сказать — две ли это части одного сочинения или это разные по времени тексты.

Обратим внимание на сходство основных пунктов в исповеданиях Семена и Аввакума. Как мы только что убедились, у Семена это, в сущности, исповедание двух главнейших учений христианской веры: учения о троице и учения о воплощении, «смотрении». Вспомним теперь Аввакума, у него исповедание сводится тоже к двум этим пунктам: «Афанасий Великий рече: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдают, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера же кафолическая сия есть, да единого бога в троице и троицу во единце почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин — сыновень, ин — святого духа; но отчее и сыновнее, и святого духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой... И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство.

Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога слова к вашему спасению. За благодать щедрот излил себе от отеческих недр сын — слово божие в деву чисту богоотроковицу... И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися... Аще хочещи пространно разумети, чти Маргарит, Слово о вочеловечении, тамо обрящещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк веруяй в онь не постыдится, а неверуя осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афонасию. Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедую, с сим живу и умираю».³¹

Семен Денисов благодаря наличию в Житии протопопа Аввакума вступительного исповедания веры уловил его «завещательный» характер. Вот где причина ошибки, заставившей его считать Житие предсмертным сочинением протопопа.

Но это не было ошибкой: Аввакум действительно писал свое Житие незадолго до смерти.

Как известно (это доказала Н. С. Демкова), самая ранняя редакция Жития отражена в Прянишниковском списке.³² И в этом списке есть примета, указывающая на то, что Аввакум начал писать Житие в 1669 г. «Отселе начну сказывать верхи своим бедам... колико случилось в 22 лета от буих человек», — написал он в начале Прянишниковского варианта, приступая к описанию своего плавания по морю житейскому. Из контекста же явствует, что «отселе» — это 1647 г.; прибавляя же 22 года, получаем 1669 г.³³

Итак, в 1669 г. Аввакум стал писать свое сочинение, которое он начал исповеданием веры. А ведь в 1669 г. Аввакумом владела мысль о близкой смерти. В 1668 г. (точная дата не установлена) умер симбирский протопоп Никифор, посланный в Пустозерск вместе с Аввакумом, Феодором, Лазарем и Епифанием.³⁴ Вскоре после этого (между концом 1668 и серединой 1669 г.)³⁵ Аввакум написал четвертую челобитную царю Алексею Михайловичу; из нее видно, что он в то время находился под впечатлением смерти Никифора: «Прости ж, государь, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим есмь. Помышляю моя деяния и будущего судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп

³¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960, с. 309—310.

³² Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума... с. 107—140.

³³ Там же, с. 116.

³⁴ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 293—295; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... с. 414.

³⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927, с. XLIX (РИБ, т. 39); Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... с. 413.

Никифор, сего суетнаго света отыде. Посем та же чаша и меня ждет».³⁶ Челобитная наполнена «прощальными» формулами (с просьбой простить и с дарованием прощения), характерными для произведения, проникнутого предсмертными настроениями. Это настроение не покидало Аввакума и в момент написания пятой челобитной царю (1669 г.³⁷): «Того ради хочу тебе сказать, яко мнит ми ся: не коснит господь о кончине моей, и помышляет ми ся: будет скоро отложение телеси моему».³⁸ Близкие Аввакуму люди знали о таком его предчувствии: именно в 1669 г. боярыня Морозова прислала ему прощенные погребальные одежды, о чем мы знаем из письма протопопа своей семье.³⁹

Стало быть, когда в 1669 г. Аввакум принялся за свое сочинение, он ждал смерти. Приметы этого видны и в самом Житии, в начале которого написано: «Сиде аз, протопоп Аввакум, верую, сиде исповедую, с сим живу и умираю», а в конце: «А мы того ради возвещаем о себе правоверным, за что нас отступники проклиjali и осудили на смерть» (цитирую по Прянишниковскому списку).⁴⁰

Что же начал писать Аввакум в том памятном году? Духовное завещание. Предположить это позволяет не только наличие в Житии традиционного для духовных завещаний исповедания веры, но и другие наблюдения.

Много написано о роли, которую играл в создании Жития Аввакума старец Епифаний. Но ведь это традиционная роль духовного отца в «чине» духовного завещания. Духовное завещание без духовного отца немислимо. Как показано в исследовании С. Смирнова «Древнерусский духовник», духовный отец почти всегда находился при составлении духовного завещания своего сына и очень часто утверждал его своей рукой или печатью.⁴¹ Одной из обязательных вводных формул духовного завещания (это отметила и Ф. фон Лилиенфельд⁴²) была формула о том, кем автор духовной уполномочен на ее составление. Как правило, духовным отцом. Сохранилась одна грамота, текст которой особенно наглядно демонстрирует обязательную связь духовника и духовного сына в духовном завещании. «Духовный мой брате Досифею, пишу тебе сию духовную памятку» — с такого обращения к духовному отцу Досифею начал свое завещание-исповедь Мартирий Зеленецкий.⁴³

То, что Житие Аввакума начинается с указания на «понуждение» (редакции А и Б; в Прянишниковском списке — «принуждением») или «благословение» (редакция В)⁴⁴ инока Епифания, как и то, что оно обращено к Епифанию — духовному отцу, в свете указанных данных оказывается вполне традиционным.

Принято ссылаться на Мартирия Зеленецкого и Лазаря Муромского как на предшественников Аввакума по части автобиографического повествования.⁴⁵ Но ведь сочинения Мартирия и Лазаря — это духовные заве-

³⁶ Памятники истории старообрядчества XVII в. ..., стб. 756.

³⁷ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 68, 70; Памятники истории старообрядчества, с. Л.

³⁸ Памятники истории старообрядчества, стб. 763.

³⁹ «Мне боярню главоляжец да саван прислала против первых писем» (Памятники истории старообрядчества, стб. 913—914). Толковые комментарии к слову «главоляжец» см.: Церковный словарь. СПб., 1794; с. 167.

⁴⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 310, 342.

⁴¹ Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914, с. 100.

⁴² Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского..., с. 95.

⁴³ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897, с. 345.

⁴⁴ Памятники истории старообрядчества, стб. 1, 83, 151; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 305.

⁴⁵ См.: Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1956, Jrg. 1, H. 3, S. 286—289; Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума..., с. 161—162; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 369.

щания.⁴⁶ Одной из основополагающих особенностей таких памятников письменности, как духовные завещания, является их исповедальный характер, а вместе с ним и автобиографичность. Если посмотреть с этой точки зрения на духовные завещания, то в каждом из них можно обнаружить элементы автобиографического повествования, присутствующие в меньшей или большей степени. У митрополита Киприана они ограничиваются короткой фразой («А понеже сочтох лета своя, отнеле же поставлен бых в митрополиты, и обретошася числом, яко 30-е лето течеть к приходящему месяцу декамврию в 2 день») да упоминанием «трудных хожений» в прощальной формуле: «... и елицы иже възлюбиша нас и помиловаша... в нужах наших, и в трудных хожениях наших, и в путех, в различных землях христоименитии людии... да будут и ти процени, и благословени, и помиловани от бога».⁴⁷ Зато у митрополита Фотия это пространный рассказ о собственной иноческой жизни в Амморейской земле в послушании у знаменитого старца Акакия, о приходе затем в Константинополь к патриарху Матфею и царю Мануилу, о принятии там священнического сана, о поставлении митрополитом на Киевскую и всея Руси митрополию, о «плачевном» шествовании на Русь, о первых трудностях по управлению русскою паствою, «от агарян плененной и озлобленной», о «частых, паче же рещи непрестанных» морах, гладах и междоусобных бранях в ней, с упоминанием смерти великого князя Василья и обрушившейся на него, митрополита, в связи с этим какой-то клевете.⁴⁸ Автобиографический элемент в духовном завещании может ограничиться только упоминанием краткого послужного списка, как у патриарха Иова: «... избран и поставлен бых рукоположением преосвященного Дионисия, митрополита всеа Русии... на престол на Коломенскую епископию к пречистой Богородице честнаго и славнаго ея Успения в лето 7089 апреля в 16 день. И тако бывшу ми на престоле четыре лета и осмь месяц и двадесят пять дней... поставлен и возведен на Ростовскую архиепископию... в лета 7094 генваря в 9 день. И бывшу ми на престоле ростовския архиепископия год без единого месяца, и потом неизреченным промыслом... избран и понужен бых от него, государя (Феодора Иоанновича, — Н. П.), аз, смиренный, на великую митрополию царствующаго града Москвы и всеа Русии... И правящу ми престол русского митрополия два лета и месяц един и четьредесят дней... аз, смиренный Иев, избран и поставлен на патриаршество в преименитом и царствующем граде Москве... в лето 7097 генваря в 26 день».⁴⁹ А может простирается на описание рождения и родителей, как у патриархов Иоакима и Адриана: «Аз, раб грешный господа бога, Иоаким, патриарх московский и всеа России... родителми благочестивыми родихся в мир сей. И во благочестии непорущном... в православной вере воспитан...»; «Родихся убо в православной кафолической вере, мудрований и содержания святягы восточныя церкве, в благочестивом всероссийском царствии, в преименитом граде Москве, от благочестивых родителей моих (и доселе жизнью влекутся), от рождения моего 58 лет» (Адриан).⁵⁰

Пишущий духовное завещание — о себе «творил известие» (такова формула духовных завещаний патриархов Иоакима и Адриана: «... завещаю, прошу, и молю, и о мне творю известие»⁵¹). Этого от него требо-

⁴⁶ Они опубликованы, см.: Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897, с. 342—351 (завещание Мартирия Зеленецкого); Амвросий. История русской иерархии. М., 1813, ч. 5, с. 115—129 (завещание Лазаря Муромского).

⁴⁷ ПСРЛ, т. 5, с. 255—256.

⁴⁸ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 483—485.

⁴⁹ СГГД, М., 1819, т. 2, № 82, с. 179—180.

⁵⁰ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. 102; ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 493.

⁵¹ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. 103; ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 492 об.

вал «чин» духовного завещания, дух исповеди. Не случайно духовное завещание митрополита Фотия, дошедшее до нас в составе летописи, названо здесь «Словом о житии» («...написа Слово воспоминательно о житии своем, и прощая всех, и благословляя, и сам прося прощения у всех»).⁵² Духовная память Мартирия Зеленецкого получила название «Повести о житии» («Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа, жившаго во области Великаго Нова Града, в Обонежской пятине, в Зеленой пустыни, тако нарицаемей, яже сам о себе исповеда отцу своему духовному»).⁵³

Духовные завещания благодаря своим исходным принципам таят в себе возможности автобиографического жанра. В зависимости от индивидуальных особенностей автора эти возможности раскрываются с большей или меньшей полнотой. На примере завещаний митрополита Фотия и Мартирия Зеленецкого можно видеть, как духовные завещания подготавливали рождение нового жанра литературы — жанра автобиографического повествования.

В 1669 г. в предчувствии близкой смерти, перед лицом духовного отца старца Епифания, Аввакум начал писать свое духовное завещание. Но смерть тогда не пришла к нему. Он не умер и в апреле 1670 г., когда смерти особенно опасались в связи с появлением в Пустозерске стрелецкого полуголовы Ивана Елагина, приехавшего сюда после свежих смертных казней на Мезени. «Казнь» 1670 г. в Пустозерске оказалась не смертной. Стало ясно, что предстоит еще жить. На казни 1670 г. писание Аввакума окончилось. И потом, когда в 1672—1675 гг. он не раз переписывал его своею рукою, он уже не продолжал его хронологически. Зато дальнейшая работа усилила житийный элемент сочинения. Родилось произведение словесности, гораздо более широкое и литературно несравненно более сложное, чем духовное завещание. Родился особый, неповторимый памятник русской литературы, творческая история которого после 1669—1670 гг. окончательно завуалировала его происхождение из духовного завещания.

Говоря о Житии протопопа Аввакума, мы часто уподобляли его исповеди.⁵⁴ Оказывается, такое уподобление имеет не только метафорический, но и реальный смысл.

⁵² ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 483.

⁵³ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева..., с. 342.

⁵⁴ Ср.: Робинсон А. Н. Исповедь — проповедь (о художественности «Жития» Аввакума). — В кн.: Историко-филологические исследования: Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 358—370.